

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

МУЗЫКА, ВОБРАВШАЯ ЖИЗНЬ

Мысли и чувства в этой статье принадлежат не только мне одному. Я хотел бы поделить ее авторство со всеми теми, кто в течение долгих лет устно или письменно делится со мной своим волнением, своими раздумьями о музыке Евгения Доги.

В течение двух десятилетий он создает мир звуков, вбирая, как мощное дерево, возросшее на кручах Днестра, голос древней реки, дыхание лесов и нив, косых ветров, круговорот человеческих страстей, чулко улавливая единственные и неподдающиеся слову отзвуки родного края, его природы и народного быта.

Так ему удалось найти, казалось бы, элементарный ритмический рисунок древних барабанов, который стал началом музыки к фильму «Лаутары», ритм, полный оптимизма и мужества, не только ритм, но и образ, уводящий к истокам повести о людях, подаривших нам хлеб музыки.

Его музыку вдыхаешь, она обновляет душу. Вероятно, поэтому ее, не модную порой, «вчерашнюю», идущую не в ногу с сиюминутными канонами, вновь и вновь хочется слушать. Это отпечаток, слепок души, умноженный на труд и тайны профессионала. Не случайно эта музыкальная исповедь находит своего преданного слушателя не

только дома, в большой семье наших народов, но и за рубежом — в Японии и Франции, в Италии и Финляндии...

Достояние современной советской киномузыки немисливо сегодня без творчества Евгения Доги. Новые тиражи пластинок, концертное исполнение, телевизионные передачи и радио доносят до нас его музыку во всей ее значимости, оригинальности.

Я вспоминаю, как целый год шел Евгений Дога к последнему варианту партитурной записи мелодий кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь». Испысав десятки вариантов вполне пристойных эскизов, он вынырнул из круга логического отчаяния и написал элегию с узкой полоской надежды в конце припева... Она как бы вобрала в себя биографию человека, столь близкого и живого для многих из нас, — от эпохи Антоши Чехонте до одиноко гулявшего по опустевшей ялтинской набережной автора смертельно раненной «Чайки». Дога не мог уйти от ироничного, кроткого взгляда Чехова, он выдержал условия сотрудничества. За ночь композитор оркестровал широкой симфонической палитрой, вплетая человеческий голос, как один из наиболее выразительных ин-

струментов, в вихревое звучание скрипок.

И сегодня, когда этот Вальс сопровождает нас в автомобиле или самолете, когда он стал естественным припевом наших суетных будней, сам композитор пережил этот своеобразный пик собственной популярности и вышел невредим и цел из подвоя с вездесущностью.

В Евгении Доге живет исследователь. Эта его особенность устойчива и существует параллельно вдохновению. Дога стойчески относится к инкубационному периоду своих произведений. Изнурительный, часто напоминающий долгие раскопки археологов труд. Композитор пробирается к теме, к ее реализации через пласты многослойных упорных «пород». Мне очевидно его стремление к первозданности. Кажущаяся виртуозность фольклорной музыки из фильма «Табор уходит в небо» — плод громадных усилий, организующих поиск истинной мелодической стихии. Евгений Дога был неутомимым подмастерьем таборных певцов, слушая и расшифровывая в петром потоке мелодий дух кочевников, отделяя истинное от наносного, он брал мерлом интуицию классиков, школу Пушкина и Толстого, Мериме и Горького. В своем спектакле «Собор Парижской Богоматери»

в Париже Робер Оссейн использовал эту музыку как пространство эпического зрелища.

Евгений Дога — композитор ненасытно пишущий. Порой это даже пугает его друзей и благожелателей. Только что зародившаяся идея манит его и требует своего немедленного воплощения. Но подспудно прорастают основные темы и интересы. Их длительная кристаллизация требует высокого постоянного тренажа. Поражения и обретения в пути для него обрастают школой. Через них он проходит к своим давним замыслам, ждавшим своего часа. В лике упрямого путника, живущего без выходов. Музыка к балету «Лучафэрл» — счастливый пример завершения долгой дороги.

Одноименная поэма Михаила Эминеску, которая будоражила в годы нашего отчуждения, возвращается в зрелые годы бременем вечных вопросов. Гибель любви как закят бытия, преданность и одиночество, бесконечность мироздания и бег времени легли в основу этих непревзойденных по своему звучанию строк. Образ поэмы ожил полнее всего в теме любви — трижды повторяющееся в спектакле адажио приближает до близкого касания щемящий мир его героев.

Конструкция балета с выходами за пределы строгой стилистики жанра не грешит электикой. Хоровые интермедии, солирующий голос становятся элементами музыкальной палитры, в которой обилие красок рождает пластическую метафору.

...Некогда сельский мальчик пришел босиком в большой город учиться музыке. Это было после войны, унесшей с собой главу семьи — отца. Научившись писать ноты, он приступил к описанию своей биографии, своей эпохи. «Человеческий голос», «Хора мира», «Вечный город», «Страна моя», «Пока есть небо», «Белая радуга», «Сердце века», «Мне приснился шум дождя» — это не только названия его произведений. Это и вехи его творчества.

Звуки, способные вместить жизнь. Он учится этому у жизни. Его песни и баллады, симфонические сочинения и музыка к кинофильмам стали наиболее известной частью его биографии.

Мир его звуков совместим с нашим беспокойным и все-таки лучшим из миров.

Музыка Евгения Доги дарит крылья. Можно вернуться в детство и взлететь к звездам. И чувствовать под ногами не просто землю, а колыбель наших отцов и матерей.

Эмиль ЛОТЯНУ,
народный артист РСФСР,
заслуженный деятель
искусств Молдавской ССР.